

О том, что было (воспоминания В.В.Щипцова)

Авторы законопроекта «О детях войны» предлагают относить к детям войны людей, которые родились с 22 июня 1928 года по 3 сентября 1945 года включительно. В настоящее время в федеральном законодательстве нет статуса детей войны, но он закреплен более чем в 30 регионах страны (Республика Карелия не входит в этот перечень, по-видимому, еще не пробил тот час).

Для общей истории, пожалуй, определенный интерес представляют эпизоды тех дней, которые пройдены в военное время. Если конкретно взять меня, то это был дошкольный период. Естественно в памяти сохранены в значительной мере воспоминания родных, ушедших сегодня в мир иной. Большинство хронологических данных и фотоматериалов восстановлены моим братом. Ныне мой брат живет в Риге, Олег Владимирович Щипцов, доктор инженерных наук, профессор эмеритус, экс-депутат парламента Латвии и Рижской думы. Цитирую его (цитаты из книги «Владимир Владимирович Щипцов (к 75-летию со дня рождения и 50-летию творческой деятельности). - Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016): «...Корни любого человека надо искать в детстве, юности. В семье и школе. Мы, братья Щипцовы, из поколения детей войны. Я ровно на два года и три месяца старше. Весьма четко себя помню с января 1942 года. Многое успел узнать и у близких. Меня в семье называли Аликом, а брата – Вовчиком... Конечно, никогда не забываем свои корни. По линии отца, Владимира Ивановича (1918–1982), предки наши из Ярославской губернии и сплошь работяги, ремесленники, а по линии матери, Анны Ивановны (1918–1979), приходим из Тверской губернии. Там все – крестьяне. Прадед родился при отмене крепостного рабства, а прапрадед жил при нем. Дед по отцу, Иван Никитич Щипцов, ушел в «страну, где тишь и благодать» в 1939 году. В революционные годы стал большевиком. Супруга его, Ирина Никифоровна (1888– 1975), была на десяток лет моложе. Дед по матери, Иван Павлович Павлов (1887–1949) родился в деревне Волынцево, что недалеко от села Медное, крестьянин-середняк. Он был избран первым председателем колхоза. Женился на Прасковье Ивановне (1891–1982) из деревни Галыхино. Мои родители познакомились и поженились в Калинин (ныне Тверь) осенью 1937 года. С детства папа увлекался футболом. До войны играл в нападении самой сильной калининской команды. Окончил девятилетку с профессиональным уклоном и военное училище. Мама окончила семилетку и курсы продавцов».

Рис. 1 Щипцов Владимир Иванович (Австрия, 1945 г.); рис.2 Щипцова Анна Ивановна (г.Калинин, 1939 год); Рис.3 Папа с сыном Олегом в Риге (осень 1940 г.); рис. 4 На фото слева направо папа, Алик (Олег), мама и родной брат папы - Щипцов Василий Иванович (Рига, 1940 г.)

Здесь обстановка синхронизирована с политическими событиями тех дней в Латвии. В частности, правительства прибалтийских стран вступили в переговоры с правительством СССР, которые проходили в Москве. Они завершились подписанием на добровольной основе договоров с Эстонией 28 сентября, Латвией 5 октября, Литвой 10 октября 1939 г. В этих документах Советский Союз обязался оказывать прибалтийским странам помощь всеми средствами, включая военные, в случае нападения или угрозы нападения на них со стороны

любой европейской державы, а в то время уже была развязана Вторая мировая война. В соответствии с вышеназванным документом СССР получил право разместить в прибалтийских странах войска и создать на их территории морские и воздушные базы. Важно подчеркнуть обязательства стран Балтии состояли в том, чтобы оказывать СССР помощь, включая военную в случае нападения любой европейской державы на СССР через их территории или со стороны Балтийского моря. Была достигнута договоренность о не заключении каких-либо союзов и не участии в коалициях, направленных друг против друга. По сути дела пакт преграждал путь к дальнейшему распространению агрессии германского фашизма на восток через Прибалтику. Конечно, существовало противостояние и естественно буржуазные власти запрещали трудящимся выражать симпатии Советскому Союзу и его Вооруженным Силам, читать советские газеты и слушать радиопередачи из СССР, даже ездить в поездах в одних вагонах с красноармейцами. В январе 1940 г. в Риге, Лиенае, Даугавпилсе, Елгаве и Вентспилсе были проведены аресты многих друзей Советского Союза, активных борцов против фашизма, но исторически так сложилось так, что в конце концов враждебно настроенные к советской стране реакционные буржуазные круги прибалтийских стран оказались в изоляции. Например, в Латвии 17 июня 1940 г. десятки тысяч трудящихся по призыву компартии своей страны вышли на улицы крупнейших городов Латвии. Профашистское правительство Ульманиса привело в боевую готовность войска и реакционную военизированную организацию айзсаргов. Против народа было применено оружие. Независимо от таких действий трудящиеся массы требовали установления народной власти. Как известно, буржуазное правительство ушло в отставку. Вместо него 20 июня было сформировано правительство народного фронта во главе с известным латышским прогрессивным деятелем профессором А. Кирхенштейном.

Далее сценарий складывался следующим образом: 14 - 15 июля 1940 г. проходили всенародные демократические выборы в высшие законодательные органы власти Эстонии - Государственную думу, Латвии и Литвы - Народные сеймы. Прогрессивные силы, объединенные в блок трудового народа, одержали убедительную победу - 21 - 22 июля избранные народом на сессиях высших законодательных органов вынесли решения об установлении Советской власти, приняли декларации о провозглашении Эстонии, Латвии и Литвы советскими социалистическими республиками, Они обратились с просьбами к Верховному Совету СССР о включении их в состав Советского Союза. На проходившей в августе 1940 г. VII сессии Верховного Совета СССР Эстония, Латвия и Литва были приняты в состав СССР в качестве равноправных союзных республик.

Рис. 5 Дом в Риге на улице Рупниецибас, где жили и куда привезли меня из родильного дома (апрель 1941 г.); рис. 6 Алик и Вовчик – два брата (г.Калинин, осень 1943 г.); рис. 7 Флигель на улице Бебеля 22, здесь жили бабушка и дедушка и сюда мы приехали из эвакуации в апреле 1942 г. (фото сделано при посещении г.Твери в 2000 г.)

Вот с такими событиями было связано назначение на работу отца в 1940 году. В Ригу поехала вся семья. 22 апреля 1941 года в этом городе я и родился, в день рождения Ленина. Как мне говорили родители, я был назван папой Владимиром в честь Ленина и Маяковского (его стихи отец любил). Мой брат вспоминает: «Отец всегда очень уважительно относился к Ленину, которому удалось со своими соратниками не просто совершить Великую Революцию, но и одержать полную победу в гражданской войне с представителями

буржуазной идеологии, которых поддерживала Антанта, иностранные интервенты. Под его руководством было создано первое в мире социалистическое государство, определившее ход мировой истории XX века. Дело Ленина оказалось благотворным для становления державы нового типа с высоким интеллектуальным, духовным и экономическим потенциалом. В предвоенные и послевоенные годы каждый знал крылатую фразу Сталина «Помните, любите, изучайте Ильича, нашего учителя, нашего вождя».

Из воспоминаний родных следует, что 8 июня 1941 года папа и мама приехали в отпуск в Калинин, т.е. всей семьей, ровно через две недели началась война, мне было всего два месяца (!), папа срочно в приказном порядке вернулся в Ригу.

Немцы стремительно завоевывали советские земли. Маме с большим трудом вместе со мной и моим братом, маминой сестрой Антониной (1925–1997) и подругой Антонины удалось попасть в переполненный беженцами поезд. Из рассказа моего брата повествуется так: «Тоня и ее подруга очень помогли маме в эвакуации. Вскоре после отхода на поезд был совершен мощный авианалет. Поезд разбомбили, но два вагона все-таки уцелели. В одном из них были мы. Повезло!!! С огромными мытарствами добрались до села Самыйлово Кировской области. В пути у мамы пропало грудное молоко. Вовчик слабел. К концу декабря 1941 года сильно простудился. Был момент, когда маме казалось, что все кончено... Она была в отчаянии. Жили мы в избе, стоявшей на высоком холме на окраине села. Приютившая нас семья относилась к нам, как к родным. Стараниями всех, кто нам помогал, Вовчик был вытаскен почти что «с того света». Стал постепенно поправляться. Организм его еще долго отставал в развитии. Никогда не обижался на маму за то, что она потом проявляла больше чувств к брату. Понимал, какой глубокий эмоциональный след остался навсегда в ее сердце. Маме тогда не раз вместе с подругой приходилось по зимней дороге пешком преодолевать десятикилометровый путь до районного центра, чтобы «отоварить» фронтовой аттестат. По обе стороны дороги – лес. Порой за ними увязывались волки. Защита одна – палки, пакля и спички...». Сейчас я не смог в интернете обнаружить село Самыйлово, по определенной информации этот населенный пункт вошел в черту города Киров и ликвидирован как единица. В этом местечке мы находились в эвакуации до апреля 1942 года.

Интересная история произошла с вещами первой необходимости, которые папа успел в первые дни войны отправить из Риги, срочно прервав отпуск в Калинин. Все-таки работала во всю мощь и почтовая служба. Тюк с вещами, правда, не успел добраться до Калинина, но как ни странно этот груз был доставлен из Челябинска в декабре 1942 года в освобожденный Калинин по указанному адресу в самое тяжелое военное время, что трудно даже представить. Вещи оченьгодились.

Гитлеровцы подошли к Риге уже 29 июня и взяли город за несколько дней без особых потерь. С нашей стороны проявлялся острый недостаток в регулярных вооруженных формированиях рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА). Оборона Риги, как и следовало ожидать, была организована чрезвычайно плохо. В основном ее держали солдаты, стоявшие на защитных рубежах на правом берегу реки Даугава около мостов. К ним присоединились отряды НКВД, пехоты и добровольцы из латышской Рабочей гвардии, которую теперь официальные историки, по понятным причинам, стараются вовсе не замечать. Хотя эта гвардия была действительно геройской. Отвлеченные активным сопротивлением сконцентрировавшихся защитников Риги, подразделения вермахта не смогли выполнить поставленную задачу, чтобы в короткие сроки взять город и не выпустить из рук инициативу. Во время непродолжительных боев рабочие батальоны осуществили взрыв Понтонного и Земгальского мостов. Для того, чтобы подорвать Железнодорожный мост, требовалось большое количество взрывчатки, а ее не было. Пришлось оставить переправу неповрежденной, но уделить больше внимания ее укреплению. Если бы и взорвали, как это сделали немцы при отступлении в 1944 г., все общая обстановка была бы не в их пользу. По железнодорожному мосту на правый берег Даугавы прорвалось ударное авангардное подразделение вражеской армии. Однако попытка моментального захвата рухнула, хотя и на правом берегу появились три вражеских танка.

Хотелось бы здесь сразу использовать слова латышского историка Э.Жагарса о конце гитлеровской оккупации: "Важно сказать и то, что гражданское латышское население героически себя проявляло в последние недели - до освобождения Риги советскими войсками. Гитлеровцы, готовясь к отступлению, планировали тут взорвать много разных объектов, а также максимально вывезти в Германию оборудование с заводов и фабрик. Рижские рабочие спасали оборудование от немцев, прятали его. А многие здания защищали буквально с боем", - рассказывает видный историк Эрик Жагарс. Далее он продолжает, что в годы Великой Отечественной войны латышский народ снова отстаивал свое право на существование. Вот, о чем Э.Жагарс пишет: «Я здесь говорю о героях, а не о предателях своего народа, бывших в рядах нацистов. Ведь изначально предполагалось, что на этой территории латыши в случае победы Германии не останутся: земли отдадут немцам. В годы войны латышский народ оказался на грани уничтожения. Поэтому 9 мая для латышского народа – это не просто праздничный день, а день сохранения целой нации".

С фронта от папы приходили письма. В апреле 1942 года мы приехали в Красный Холм, где в тот момент жила Ирина Никифоровна, мать отца, с младшим сыном Виктором, родным братом папы. Вскоре он ушел на фронт. Конечно, я не запомнил в то время моего восемнадцатилетнего родного дядю. Осенью 1944 года он был убит фашистским снайпером в Польше в небольшом населенном пункте. С горькой злостью красноармейцы выкатили пушку и разворотили двухэтажный дом, в котором находились фрицы – кровь за кровь.

Город Красный Холм первоначально возник как торговое село Спас на Холму. Из документов следует, что это село впервые упоминается в 1518 году, когда калужский князь Симеон Иванович его принес в дар Антониеву монастырю. В январе 1776 года за селом закрепляется новое название — Красный Холм, с одновременным преобразованием в город и уездный центр Тверского наместничества. Легенда гласит, что однажды императрица, проезжая мимо этого местечка, была поражена его красотой: город, расположенный на холме, утопал в зелени и цветах. Екатерина Вторая и повелела именовать его отныне Красным, значит Красивым Холмом.

Из воспоминаний моего брата: «В конце июня 1943 года мама привезла нас снова в Калинин на Бебеля, 22. Там уже нас ждали в своем флигеле Прасковья Ивановна и Иван Павлович. Дедушка купил этот флигель в 30-е годы, когда во время сенокоса случился большой пожар. Деревня сгорела. Решил не отстраиваться и перевез семью в город. Устроился на ткацкую фабрику плотником. Там и проработал до конца дней своих. Мама после возвращения из эвакуации работала в тыловом госпитале. Прасковья Ивановна взяла на свои плечи уход за Вовчиком и мной, доставала продукты, готовила, стирала, гладила, на ней был и огород. Помню, как купала нас в деревенском корыте, «строчила» на ножной швейной машинке «Зингер». Сшила Вовчику и мне «стеганки», гревшие нас, другую одежду. Материал доставала Ирина Никифоровна. Зимой в военные годы она не раз катала нас на санях, в которые запрягала кобылку Машку. Иногда забирала нас обоих к себе в комнату на втором этаже деревянного дома, стоявшего напротив Сенного рынка. Прасковья Ивановна часто рассказывала нам сказки, а дедушка по вечерам развлекал театром светотеней: на стене в результате ловкой манипуляции пальцами обеих рук возникали волк, лиса, заяц, лошадь, корова и т.д. Кое-что напевал. Любимой его песней была «Варяг». Мы и сами с братом дружно играли. Были какие-то игрушки, которые держали в мешочке. Вовчик и я любили смотреть в окна, наблюдая, как утром по Бебеля гонят коров на выпас, а вечером назад, пару раз видели нападение быка на пастуха. Видели, как ежедневно на бричке проезжал знаменитый врач. Помнится, елка в доме при встрече 1943 года. Тоня, переодевшись в Деда Мороза и говоря низким голосом, вручила нам подарки, а осенью 1943 года она уехала с фронтовым госпиталем. Бабушке стало труднее. Порой на ночлег останавливались в нашем доме беженцы. Все стремились помочь друг другу. Все были уверены в Победе!»

Бабушка была главной хозяйкой по дому. Периодически мама привлекалась на двухнедельные лесозаготовки, иногда возвращалась простуженной. Бабушка лечила ее своими народными средствами. Банки с американской тушенкой называли «второй фронт»,

которые использовались иногда. Я цитирую еще раз написанные моим братом некоторые воспоминания, которые появились в печати уже в современной жизни, но они документальны: «Ежедневно слышали сообщения о боях на фронте из «радиотарелки», висевшей на стене. Запомнилась песня «Священная война». Словно сейчас слышим голос диктора Юрия Левитана с его «Вечная память героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!» В конце войны мы с Вовчиком уже бегали во дворе с пацанами, играли «в войну». Размахивая палками, кричали: «За Родину! За Сталина!». При встрече 1945 года впервые были на новогоднем утреннике с Дедом Морозом и Снегурочкой. Мама читала нам папины «треугольники» с фронта. Посылала ему наши фото. 9 мая 1945 года на улицах творилось что-то невероятное. Незнакомые люди обнимались, целовались. Ликовали!».

Победа была достигнута ценой великих жертв. В списке погибших два брата нашего отца: погиб в бою под Ленинградом старший брат папы Василий Иванович Щипцов (1914–1941), в Польше пал младший брат Виктор Иванович Щипцов (1925–1944). У Ирины Никифоровны остался только наш отец. Отец прошел всю войну, командуя дальнобойным артиллерийским расчетом. Его боевые награды орден Великой Отечественной войны 1 степени и два ордена Великой Отечественной войны 2 степени, медаль «За отвагу» и другие награды. Можно гордиться двумя благодарностями – благодарность Верховного главнокомандующего Красной Армии И.В.Сталина и благодарность командующего 1-ым Украинским фронтом маршала И.С.Конева. Брату маме Василию Ивановичу Павлову (1922–1992), прошедшему войну в войсках связи, повезло, он уцелел и вернулся с фронта! 9 мая мы слушали «Обращение к народу». В нем были и такие слова: «Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться, — ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чём бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию». К сожалению, в современной жизни мы ощущаем, что корни нацизма полностью не уничтожены и дают молодые ростки. Это тревожит детей войны.

В сентябре 1945 года приехал папа, чтобы забрать семью в Австрию, где завершила войну его артиллерийская бригада гаубиц. Сначала квартировались в Кремсе, потом в селе Меркенбрец, а затем снова вернулись в Кремс.

Воспоминаний много. Какое-то время мы были одеты в форму военных: я - старшина с гвардейским значком, а брат – младший лейтенант с гвардейским значком. В мировой прессе появились провокационные фото, показывающие малолетних детей в военной форме, якобы имеющих отношение к воинской службе в СССР. Последовал приказ о нашей «демобилизации», что повлекло за собой наши слезы и переживания. Еще один эпизод связан с первомайским пикником офицеров и их семей на большой поляне австрийского леса. Вот так описывает этот эпизод мой брат: «Военный фельдшер решил развлечь детей катанием по кругу на своем двухколесном мотоцикле. Дошла очередь и до Вовчика. Сначала все шло хорошо, но на какой-то кочке мотоцикл подбросило. Вовчик слетел с сиденья. А нога попала в спицы заднего колеса. Мотоцикл продолжал движение, таща брата по траве. Только, когда все вскочили и закричали, водитель оглянулся назад и остановил мотоцикл. Глубокая рана долго не заживала». Это событие я ясно помню и сегодня, тем более шрам на левой ноге остался на всю жизнь. Если бы не венский врач, быть мне одноногим. Австрийская женщина вызвалась помочь. В Вену к частному дому приехали ночью. Я сидел в машине крепко прижавшись к маме. Мама волновалась, как отнесется врач к ребенку советского офицера, но на деле была оказана неоценимая помощь. Опытный хирург сказал, что нога восстановится примерно через полгода, а пока мне придется пить данные им

таблетки и пользоваться при ходьбе костылями. Перед этим в войсковой санчасти ногу хотели ампутировать, ссылаясь на возможную гангрену.

Рис.8 Я с братом в военной форме (г.Кремс, Австрия, сентябрь 1945 г.); рис. 9 Вновь в Кремсе (Австрия, 2015 г.); рис. 10 Брат и я (г.Лиепая, ЛССР, лето 1948 г.)

Материально жизнь военнослужащих в Австрии, конечно, на порядок была лучше, чем у наших людей в разрушенной стране, но семье хотелось возвратиться в Союз. М вот мы узнаем, что дивизия передислоцируется в Крым. После долгого пути в воинском эшелоне в конце июня 1946 года мы оказались в Бахчисарае. Брат так свидетельствует об этом: «Впечатлений много: Ханский дворец, поездки к Черному морю в Качи в засушливое лето 1946 года, большие фруктовые сады вдоль дороги, игры с ребятами в горах, игры в одном дворе «в штаб», где «начальник штаба» обещал нам достать финки (!), если мы будем приносить ему еду... В Бахчисарае я окончил первый класс. А в июне 1947 года отца направили в Лиепаяу (Либаву) – в город на Балтийском море в Латвии. В Лиепаяе у меня и у Вовчика появилось много товарищей. Там началось увлечение футболом и шахматами. Центр города был разрушен. В развалинах играли снова «в войну». Лиепайский пляж с дюнами шире и чище пляжей Рижского взморья. Красив приморский парк!». В Лиепаяе в 1948 году я пошел в первый класс. 31 августа умер А.А.Жданов, в стране объявлен траур, но начало учебного года не было отменено. Жили в коммунальной квартире вместе с хорошей латышской семьей, а в июне 1949 года отца направили в Ригу. Первая наша квартира была на улице Цесу, а рядом стояло здание школы. Случилось так, что в этой школе я проучился до окончания, хотя потом через два года поменяли квартиру уже в полутора километрах от нашей школы, но мы решили остаться в ней. Все годы учебы ходили в нее пешком, иногда в день по два–три раза. Учительницей начальных классов у меня была замечательный педагог Мария Игнатъевна Стробель, жившая в Риге и при буржуазном режиме. Снова процитирую своего брата; «Нас с братом растили интернационалистами в духе всемирного братства. В те послевоенные годы в нас закладывались элементы естественного патриотизма, основанного на великих достижениях общества и делах, к которым человек ощущает свою причастность. Вовчику, мне, соученикам объясняли, что дела определяются их целями. Только то дело называется великим, у которого великая цель. Нас приводили к мысли, что история – это история идей, а не история королей, императоров и битв... Мы всегда понимали, что наша Родина – революция. Оттуда идут истоки. Это понял недавно и один журналист, вдруг полюбивший Октябрьскую революцию и разразившийся признанием: «...посередь власти попов и бюрократических «кувшинных рыл», посередь лжи и казнокрадства, посреди атмосферы лицемерия и презрения к собственному народу – великий взлет духа, великий идеализм, великая мечта, великий глобальный проект. Никогда и ничего лучше в истории России не случалось».

Регулярно проводились спортивные соревнования – школьные, районные, городские. Я в школьные годы увлекался шахматами, футболом, легкой атлетикой, акробатикой. Особенный след оставил шахматный кружок, руководителем которого был Янис Крузкопс, в кружке которого занимались во Дворце пионеров (ныне Дворец президента Латвийской Республики) будущий чемпион мира Михаил Таль, будущий известный гроссмейстер Айвар

Гипслис, будущий мастер и последний тренер-секундант Талья Валентин Кириллов и другие. Талья приезжал в Петрозаводск в 1984 году, а Кириллов бывал часто, в т.ч. и в геологических отрядах со мной. Храню в домашнем архиве Грамоту ЦК комсомола Латвии за активную работу в кружке и в связи с 15-летием Дворца пионеров (1955 г.). На выбор моей будущей профессии оказал большое влияние двухтомник академика В.А.Обручева «Полевая геология». На выпускном вечере школа подарила мне книгу Ч.Диккенса с символическим названием «Большие надежды».

Рис. 11. Диплом Щицова Владимира, участника команды-победителя по шахматам (Рижское Взморье, 1953 г.; Рис. 12. Почетная грамота Щицову Владимиру, участнику шахматной секции в связи с 15-летием Дворца пионеров (ЦК ВЛКСМ Латвийской ССР, г.Рига, 1955 г.)

После окончания школы не было вопросов, куда идти учиться. Только на геологический факультет и только в Ленинградский Горный! В 1958 году на вступительных экзаменах на геологический факультет не хватило одного балла. Предложили буровое отделение. Отказался! Вернувшись в Ригу, устроился на работу в геологическую экспедицию Управления геологии и охраны недр при СМ ЛССР. Выезжал в поле. Курировала меня опытная и замечательная геолог, выпускница Ленинградского горного института 1944 года Элла Карловна Улпе, с которой я поддерживал потом связь все годы. Во многом также благодарен латышскому геологу Юрису Эглонсу. Приобрел опыт. Проверил свой выбор на практике. Получив хорошую характеристику, в 1959 году блестяще сдал экзамены и стал студентом геологоразведочного факультета. Так начинался трудовой путь! Считаю, что «большие надежды» школы вполне оправдал. С 1966 года работаю в Институте геологии КарНЦ РАН.

Заведующий отделом минерального сырья ИГ КарНЦ РАН, докт.геол.-мин.наук, профессор ПетрГУ, засл.деятель науки РФ и засл.деятель науки РК В.В.Щицов